

Фёдора разбудил шум подъехавших снегоходов. Он не вышел смотреть, кто это, зная, что должны подъехать старoverы. В балке выстудило, и вылезать из тёплого спальника не хотелось. «Зайдут сами, затопят печку», – подумал он. Сын Денис тоже лежал молча. Зашли знакомые молодые старообрядцы, возбужденные дорогой и брагой, к которой они, судя по весёлым лицам и голосам, не раз прикладывались. В балок струями хлынул свежий вкусный воздух. Потянул по полу, освежая лицо и лёгкие. Нар в балке не было, и мужики спали на расстеленных по полу оленьих шкурах. Ребята быстро затопили печь, поставили на неё чайник и котелок с водой, тут же достали бидончик и пластмассовое ведёрко. В ведёрке была густая сметана, а в бидончике – продолжение дорожного веселья.

Парни стали бесцеремонно расталкивать Дениса, чтобы он сидел с ними, и вежливо предложили Фёдору попробовать их изюмовки. Фёдор отказался. Они с сыном приехали охотиться за гусями, и Фёдор знал, что, когда пригреет весеннее солнышко, хмель будет совсем не союзник на охоте, где главное – терпение и бдительность. Расслабленный алкоголем и теплом охотник начнёт попросту засыпать в скрадке.

Парни разлили по кружкам ароматную жидкость, настоенную на

изюме, и, перекрестившись, выпили. Денис тоже отхлебнул из кружки, подождал и медленно допил – видать, понравилось. Стали закусывать вяленым мясом, макая его в сметану. Такой закуски Фёдор ещё не пробовал – оказалось, очень вкусно и сытно.

Раскрасневшиеся, возбуждённые трудной дорогой парни подшучивали над своим товарищем, у которого была пятазарядка с наваренным стволом от другого ружья. Ствол был длиннее сантиметров на двадцать пять и выделялся из кучи прислонённого к стене оружия. Ему советовали, когда гуси налетят, со стрельбой не спешить. «Первого бей просто стволом, как палкой. А уж которые уцелеют – тех добивай выстрелом». Хозяин ружья грозился оставить всех без добычи, потому что его ружьё бьёт, насколько глаз видит. Так что он один будет охотиться, а остальные только смотреть и ему завидовать.

Фёдор с удовольствием смотрел на крепких ребят, которые с пелёнок приучены не бояться тайги и охотничьих трудностей. Денис спросил, сильно ли прибывает вода на Енисее. Ответ был ошеломляющим: про воду ничего не знают, потому что Енисей дал подвижку и намял на берег лёд. Денис с Фёдором переглянулись: их деревня была шестьдесят километров выше по реке и стояла на правом берегу. Староверский посёлок был на левом. Никто не ожидал такого раннего ледохода.

– Что будем делать? – спросил Денис отца. Помолчав, Фёдор ответил:

– Охотиться.

До места охоты надо было добираться по тундре, залитой водой, которую приходится проходить на скорости. Потому они и приехали каждый на своём снегоходе. Денис сказал Фёдору, что через пять дней рейсовый вертолёт. Ребята, слушавшие их разговор, сказали, что в деревне уже есть пассажиры, тоже охотники из другого посёлка, и что заявку на посадку уже отправили. «Оставьте снегоходы у нас, потом на лодках увезёте». На том и порешили. У приехавших веселье набирало обороты. Фёдор понял, что на этом озере охота будет громкой. Спросил Дениса, что он думает. Тот ответил, что, вернее всего, ребята допьют брагу и лягут спать. Так что он посидит здесь. Фёдор, взяв гусиные профиля, поехал на соседнее озеро. Там птица шла хуже, но было спокойней.

Тундрами местные жители называют обширные сухие болота. Они и похожи на маленькие кусочки тундры – такие же бугристые. Россыпью блестят зеркальца маленьких озёр, и почти везде растёт карликовая берёзка и багульник. Зимой, пересекая такие места, видишь только безжизненную, с полоской далёкой тайги, равнину. Весной всё меняется. Даже берёт удивление, сколько здесь живности. Утром тундра наполняется голосами: бормочут тетерева, квокают копалухи, дурными (по человеческому разумению) голосами орут куропахи. И над всей этой какофонией плывут лебединые торжествующие клики.

Расставив профиля, отогнав снегоход подальше и закрыв маскировочной тканью, Фёдор вернулся к прошлогоднему скрадку. Охота началась. Гуси пролетели редко и стороной, не обращая внимания на фанерные обманки. Солнце стремительно набирало высоту, стараясь заглянуть

в самые затенённые места. Где оно не доставало, ему помогал ветерок. Он нёс весеннее тепло, и оно с жадностью подъедало грязный зернистый снег.

Налетел гусь-одиночка. Фёдор сбил его первым выстрелом. С озера ответили дуплетом, потом ещё и ещё. «Видать, хороший табун налетел» – с завистью подумал Фёдор. Тундра потихоньку затихала, перестали чуфыкать-бормотать косачи, пролетела целеустремленно пара копалух к дальнему кедровому острову. Стало тихо. Снова ударили выстрелы с соседнего озера. Фёдор подумал, что Денис правильно сделал, оставшись. Солнце карабкалось в зенит и не жалело тепла. Фёдор снял шапку. На озере опять отдуплетились. «Наверное, надо вернуться на старое место. Озеро большое, найду, где пристроиться», – подумал Фёдор. Но не мог решиться, зная по опыту, что только начни собирать профиля, обязательно налетят гуси. С озера донесся залп, потом несколько одиночных выстрелов. Фёдор не выдержал, вышел собирать профиля. Выдернув несколько штук, услышал, что идет снегоход. Блестя фарами и защитным стеклом, в ореоле разлетающихся брызг к нему нёсся на скорости Денисов белый «линкс». «Наверное, за мной, слышит, что не стреляю». Не сбавляя хода, он подъехал прямо к скрадку.

– Летают? – спросил Денис.

– Летают, но редко. И летят самой кромкой над тайгой, – ответил Фёдор. – А у вас там, смотрю, весело.

– Весело, – ответил Денис, – все банки перестреляли. Два табунка налетали, дак они спяну стали палить метров за сто, не подпустили. Поеду, сяду куда-нибудь на другое место. Они сказали, что послезавтра начинаются праздники и они завтра к вечеру уедут. В их праздники охотиться и работать нельзя. Так что до вертолёта у нас будет время спокойно поохотиться.

Так оно и получилось. Подошел основной гусь и на спокойной тундре хорошо шёл на профиля, и они неплохо добыли. В день отъезда придавил хороший утренник, и они быстро и без приключений доехали до старовой деревни. Было около восьми утра. Подъезжая, Фёдор думал, что так рано неудобно будить хозяев. Даже представлял, как после долгого стука в окно выглянет заспанное удивлённое лицо, начнётся недовольно-вежливая суета, и гостям будет виновато.

К удивлению Фёдора, деревню они разнеженно-сонной не застали. У многих топились печи, а самого хозяина, у которого собирались оставить технику, встретили на тракторе-семьдесятпятке. Мефодий сидел в кабине с четырнадцатилетним сыном. Остановившись, он объяснил, куда поставить технику, сказал, что вернётся через полчаса. Когда Фёдор проезжал по деревне, его удивило и порадовало, что в окна выглядывали не только взрослые – любопытные детские мордашки мелькали там и сям из-под занавесок. По разбитому трактором огороду Фёдор с сыном подъехали к бревенчатому дому. Дом был под одной крышей со всеми пристройками, когда загнали снегоходы во двор, то поразились его длине. Торцовая стена еле проглядывала в полумраке. Везде стояла разная иностранная техника. Пока развязывали багаж, подъехал хозяин и пригласил в дом.

Хозяин был невысок ростом, но крепок. Он радушно пригласил: «Заходите, заходите, как раз успели к завтраку». Глядя на этого неряшливо одетого человека со включенной бородой, Фёдор подумал, как обманчива внешность. Если б встретил на улице, никто его бы не убедил, что перед ним крепкий и рачительный хозяин. Раздевшись, Фёдор с сыном прошли в дом. Везде были чистота и порядок. Из кухни выглянула девочка лет десяти и быстро юркнула обрат-

но. Потом вышла невысокая женщина, поздоровалась и, указав на диван, сказала, чтобы подождали и что хозяин сейчас придет. Фёдор ответил, что тот во дворе и они уже виделись.

Гости сели на диван и стали рассматривать фотографии на стене. Два портрета, висевшие рядом, привлекали внимание. Молодой мужчина с роскошной бородой и молодая женщина с косой, уложенной на голове кольцами. Бородач смотрел с портрета жёстко, прямо в глаза. Казалось, что сейчас он скажет что-то резкое, так не вязавшееся с его красивым славянским лицом. Женщина, наоборот, была весела лицом, смеющиеся глаза и полные губы были очень хороши.

Появился переодевшийся Мефодий, сразу прошел на кухню. Вынес небольшой столик и поставил перед гостями. Хозяйка и девочка быстро расставили чашки с едой. Хозяин принес кувшин. Фёдор догадался, что это всё та же изюмовка. Напиток оказался вкусным и крепким. Когда позавтракали, Фёдор спросил про портреты. Старовер ответил, что это его дед с бабкой. Что дед пропал во время войны без вести, а бабушка так и прожила с детьми одна, замуж не вышла и похоронена здесь на кладбище.

У Фёдора дед по матери тоже пропал без вести под Сталинградом. Фёдор помнил фотографию, где его дед так же смотрел в глаза, и казалось, сейчас прикрикнет за какую-нибудь шалость.

– Их было три брата, – сказал хозяин, кивая на портрет, – два брата спрятались в тайге, не пошли, а дед мой сам пошел. Бабушка рассказывала, что его отец, наш прадед, сильно с ним поругался, хотел, чтоб он тоже ушел в тайгу, но тот ослушался и ушёл на войну, – и помолчал, добавил: – Ушёл совсем. Царство ему небесное, – и перекрестился, глядя на иконы.

Прибежал хозяйский сын и сказал, что вертолёт – будет через пол-

часа. В таежной деревушке с размеренной жизнью вертолёт событие. Народ потихоньку собирался возле площадки. Хозяин завел старенький «буран». Загрузили сани и поехали заранее. Трое незнакомых охотников были уже на месте и стояли возле своего многочисленного груза. (А его было немало). Хозяин сказал Фёдору, что у этих охотников был большой раздор (стычка) с деревенскими, потому что с гусями они настреляли и глухарей, и копалух, а птица это непролётная, местная. Досталось и человеку, у которого они остановились. Послышался гул вертолёта, и через какое-то время, вынырнув из-за далёких сопок, он стал заходить на посадку. Фёдор переживал, возьмут ли их с грузом. Пассажиров в вертолёте было много. У незнакомых охотников (они оказались портовскими работниками) наверняка всё было договорено с экипажем, и они сразу же стали грузиться. Фёдор с Денисом стояли в нерешительности. Когда грохот двигателей затих, Фёдор решил подойти к первому пилоту. Тот сидел в наушниках у отодвинутого окна. Это был молодой раскормленный парень, равнодушно глядевший на суету пассажиров. Фёдор, видя его холёное, сытое лицо, смотревшее сверху вниз, почувствовал к нему неприязнь, подумал, что чужие заботы такого человека не беспокоят и если их возьмут, то без груза, и договориваться бесполезно. Он подошёл, пересиливая себя.

– Сколько груза?

– Килограммов сто двадцать, – ответил Федор.

– Охотники?

– Да.

– Гусей добыли?

– Добыли.

– Хорошо гусь летал?

– Так себе, но постреляли.

«Сейчас начнет выдавливать гусей на весь экипаж, – с раздражением подумал Фёдор.

Пилот о чем-то переговорил с экипажем. Потом повернулся к Фёдору и спокойным простым голосом сказал: – Последними грузитесь. Если подыдемся, то заберем, а если нет, то, брат, извини, груз оставим.

От спокойного голоса спало напряжение, и Фёдор почувствовал симпатию к этому человеку, в который раз убедившись, что внешность обманчива.

Вертолет трижды поднимался и зависал над землёй. У Фёдора замирало внутри от предчувствия, что груз придется оставить и кому-то из них не лететь. Следующий рейс только через неделю. Но вертолёт все-таки зацепился за воздух и быстро пошёл вперёд. Замелькали крыши, пятна черной земли, хаос ломаного льда на Енисее. Всё это стало уменьшаться, а на душе сделалось спокойно от ощущения прямой дороги домой.

Внизу проплывали оттаявшие хребты и залитые по краям пятна озер. Вертолёт пошел на разворот, и снова замелькали квадраты огородов и плоские крыши домов. Замедлив скорость и трясясь и грохоча, вертолёт приземлился на бетонную площадку. Быстро скинув груз и пассажиров, он ушел.

После тайги особенно бросалось в глаза, какой разгон набрала весна. Дороги протаяли до земли, журчали ручьи, уходя под сугробы. Выкинутая зимой зола и бытовой хлам, присыпанные снегом, вытаивали и пестрели серо-черными пятнами на фоне еще чистого снега по сторонам дорог и набеганных собаками тропинок.

2.

Денис было пошел за снегоходом, но вернулся: подъехал «буран» с санями забрать почтовый груз. Девушка-почтальонша с водителем стали таскать в сани посылки и мешки с почтой, объясняя Фёдору, что не успели к вертолёту, потому что завяз-

ли в мокром снегу и долго обкапывали снегоход, чтобы выехать. Денис попросил добросить их груз до дома. Парень согласился, а девушка сказала, чтоб Фёдор зашёл за пенсией, и пошла пешком.

Фёдор помог вытолкать снегоход до дороги и отправился на почту. Дорожные волнения позади, охота удалась, и Фёдор в хорошем настроении быстро шел по улице. Впереди в сторону почты шел мужчина в телогрейке и зимней шапке. Фёдор не мог его узнать со спины, хотя деревня маленькая и все друг друга знали. По походке было видно, что это старый человек. Фёдор смотрел на эту согнутую спину, на худые, медленно шагающие ноги, по которым хлопала голенища резиновых сапог. Когда догнал, он оказался Володей, коренным местным жителем из русских, человеком со странностями. Володя был одинок, но держал хозяйство – коров. Покупать у него молоко народ брезговал – был он по-стариковски неряшлив. Сам Володя его не пил, скармливал телятам, собакам, а то и просто выливал на улицу.

Сена вечно не хватало. Ему советовали: убери хозяйство, сам не мучайся и не мучь скотину. Он соглашался, но приходила покосная пора, и Володя снова бегал по деревне, набирая рабочих на сенокос.

Обгоняя Володю, Фёдор собрался пошутить: что, мол, ползешь, как на похороны? Ведь за пенсией идёшь, бежать должен. Но что-то его сдержало, и он просто поздоровался. Володя сначала ответил, а потом посмотрел на Фёдора. Не по-стариковски чистые голубые глаза были отрешены, холодны, и их взгляд проходил мимо. По спине протянул холодок, когда Фёдор представил, насколько неуместной оказалась бы шутка: «Невеселые, видать, думы давили этого трудового человека, так и ничего не нажившего, кроме грыжи».

Встреча подействовала угнета-

юще. Фёдор какое-то время не мог освободиться от мёртвого взгляда голубых глаз. Было ощущение, что на тебя глянули с того света. Не может живой человек так смотреть. Наверное, мысли у этого человека были там, вот и потянуло холодом.

Почта была закрыта изнутри, и пенсионеры, человек восемь, в основном женщины, стояли возле крыльца. Фёдор поздоровался, бойкие бабы ответили: «Смотри, как рожа у него загорела, видать, прямо с гусей за пенсией прибежал. И вообще, зачем тебе пенсия, если ты ещё бегаешь, как сохатый?». Фёдор отмолчался и, заняв очередь, встал в стороне. Женщины его больше не задевали. Все знали друг друга смолodu, потому и шуточки бывали порой остры. Мужики задирали баб, а тем палец в рот не клади. Подошел Володя, тихо поздоровался и, не спросив, кто крайний, встал недалеко от Фёдора, прислонившись спиной к забору.

Погода была как на заказ. Весеннее солнце щедро лило тепло, которое легкий ветерок разносил по всем закоулкам, располагая людей к хорошему настроению и шуткам. Почта почему-то не открывалась, и никто свежий не подходил. Шуточки затихли, перейдя в спокойный разговор.

Фёдор обратил внимание на собаку, бежавшую к почте. Чем-то она отличалась. Своим отрешенным видом, что ли. Из соседней ограды выскочили ещё две. Бежавшая не стала ни убегать, ни обороняться, а просто остановилась. Собаки её обнюхали и разбежались, а пёс продолжил путь и, дойдя до людей, остановился. Это был крупный дряхлый кобель. Сквозь клочки линияющей шерсти было видно, насколько он худой. На морде шрамами было написано, что жизнь его была богата приключениями (событиями). Сколько ему лет, определить было сложно. Но раз дожил на севере до такого возраста, значит, кобелём был стоящий и даром

хлеб не ел. Подняв морду, он нюхал воздух, тянувшийся от людей. Фёдор смотрел, какие мутные у него глаза – признак начинающейся слепоты. Вот кобель поймал какую-то нужную струйку воздуха и медленно, стараясь не потерять, пошел мимо Фёдора к стоящему Володе. Тот молча опустил ему руку на голову. Кобель не шевелился. Володя смотрел на Енисей, на котором прошла вся его жизнь. О чём думали эти два существа?

Фёдор не мог вспомнить, чей это кобель. На севере редко собаки доживают до такого возраста. Надо иметь хорошие заслуги, чтобы хозяин оставил на пенсию и кормил, ничего не требуя взамен. Наконец-то почту открыли, и народ вошёл в помещение. Фёдор и Володя остались на улице – их очередь была далёко. Володя всё так же стоял, держа руку на голове собаки, потихоньку почесывая её пальцами. Кобель, закрыв глаза и прижав голову к его ноге, замер. Фёдор смотрел на них, и комок подкатывал к горлу. Собака тяжело вздохнула, переступила с ноги на ногу и ещё сильнее прижала голову к человеку. Фёдор стал вспоминать, сколько собак у него дожили до такого возраста. Сбивался, опять начинал считать, сколько их перестрелял. Кого из жалости, кого по дурости, а в основном по непригодности. Память – это такое дело, только тронь. Потяни одно звёнышко, за ним пойдёт другое. И дошло до случая, который у Фёдора сидел в душе, как заноза, то забываясь на несколько лет, то ворочаясь сомнениями, правильно ли поступил.

3.

Были семидесятые годы, промхозы крепко стояли на ногах, пушнина принималась разнообразная и была в цене. Профессия охотника почиталась, промхоз дорожил промысловиками, давал оружие и всё нужное для промысла и забрасывал авиацией. Фёдор тогда жил на центральном

участке в большом посёлке. Там была служба лесной охраны с вертолётком. После очередного облёта знакомый летнаб позвал Фёдора в контору. Фёдор зашёл, и тот попросил показать на карте границы участка. Фёдор обвёл границы, пожарник постоял, посмотрел и сочувственно сказал:

– Горит, Фёдор твой участок горит прямо в центре, и выгорело уже порядком.

И указал границы пожара. У Фёдора похолодело в груди – в центре круга, обведённого летнабом, находилась базовая избушка с баней и лабазами.

– Причины пожара известны? – спросил Фёдор.

– Точно – нет. Вернее всего, неосторожное обращение с огнём. Гроз в это время не было. Нынче в начале лета туда закинули несколько экспедиций лесостроителей прорубать квартальные просеки. Не зря их называют лесоутранители, собирают всякое бичьё! – сказал летнаб и, сев за стол, уставился на пустой графин.

Фёдор снова подошёл к карте и, показав на слияние двух речек, спросил, видали там избушки или нет? Наблюдатель ответил, что там самый очаг и всё выгорело.

Начал желтеть лист. Народ зашевелился на огородах, убирая урожай. Охотники тоже засуетились, замелькали в конторе у охотоведа. Наступало время заброски на промысел. С тяжёлым сердцем собирался Фёдор в тайгу. Участок горел около трёх недель, пока не пошли дожди и не забили этот сильнейший пожар. Заброска шла поочередно, работал МИ-4, который сразу забирал по несколько охотников с грузом. Посадки распределяли: Фёдор выбрасывался вторым. Пожилой охотник долго не мог сориентироваться с воздуха. Вертолёт делал круги над тайгой, ища площадку, которую указал охотник. Позвали Фёдора. Тот, посмотрев на карту, сказал, что они совсем на другой речке,

и показал правильную точку. Пока искали, Фёдор любовался пёстрой осенней тайгой, а под сердцем сосало: что он увидит на своём участке? Ровно гудя и чуть подрагивая, вертолёт шёл дальше. Фёдора позвали в кабину уточнить место посадки. Зайдя к пилотам, он ужаснулся увиденному: не было видно привычных нежно зелёных волн кедрача, не пестрели жёлто-багряно березняки и осинники, только обгорелые деревья торчали по хребтам, напоминая гигантские расчёски. Унылый серо-чёрный цвет лежал до горизонта. Пилоты сочувственно поглядывали на Фёдора.

Сгорели база, баня, лабаз, где были десяток сетей, два лодочных мотора и другие разные хахаряшки. Недалеко от базы проходил обгоревший новый тёс. Его Фёдор не протёсывал. За две недели Фёдор срубил зимовьё, лабаз и наготовил дров. Время катастрофически не хватало. Он попробовал пройтись по старым путикам, но проследить тёс было невозможно, а капканы, которые он нашёл, никуда не годились.

Ниже сгоревшей базы впадал приток, и база стояла в треугольнике между речек. Фёдор решил пройти по берегу второй речки до конца пожара. Взяв продуктов на три дня, пошёл на обход. Местами по берегу попадались островки зелёной тайги, дававшие надежду, но спустя какое-то время он снова открывал безотрадную картина мёртвого леса. К вечеру, выйдя из-за поворота, Фёдор увидел зелёную сопку. С робкой надеждой он поспешил за другой поворот: там тянулось плёсо, и по правой речной стороне зеленела тайга. Места были знакомые, и Фёдор знал, что скоро справа будет впадать большой ручей. Он решил до него дойти и там заночевать. Подходя к месту, Фёдор издали увидел человека, стоявшего с удочкой в устье ручья. Залаяли фёдоровы собаки, с другой стороны тоже ответили. По берегу бегала белая собака.

Раздевшись, Фёдор перешёл речку. Подойдя к рыбаку – это был средних лет крепкий мужик, спросил, кто он и что тут делает. Оказалось, что это начальник партии лесоустроителей и что у них тут база. Народ уже вылетел, и они с рабочим ждут вертолёт вывезти оставшийся груз. Виктор, так звали нового знакомого, собрал рыбу и пригласил Фёдора ночевать. Они прошли вверх по ручью метров двести, где среди лиственничного леса открылась поляна. На ней стоял большой, примерно шесть на четыре, барак с банькой у ручья. Фёдор познакомился с рабочим, готовившим ужин.

Местный кобелишка, беленькая лайка с пепельными пятнами, уже вовсю играл с его драчливыми собаками, что было совсем не в их духе. Фёдор спросил Виктора, чей пёс. Тот ответил, что привёз его: соседке по квартире, одинокой женщине, дали путёвку в санаторий, и она попросила Виктора забрать Мальчика, так звали собаку, с собой. Ей больше не к кому было обратиться.

– Ну и как он? – спросил Фёдор, наблюдая за собаками.

– Кормилец! Не знаю, что бы без него и делали. Тушёнки оказалось мало, а бригада двенадцать мужиков.

Кобелишка как почувствовал, что о нём разговор, подбежал к Фёдору и дружелюбно помахал баранкой. «Экстерьер у собачки что надо, и глаза говорят, что не дурак». Фёдор позвал его, но он больше не подошёл, убежал к собакам. После ужина Фёдор с Виктором долго говорил про тайгу и про жизнь вообще. Оказалось, пожар на правом берегу потушили они, спасая базу. Виктор не стал отпираться, что пожар мог устроить кто-нибудь из его рабочих. «К нам всякие люди приходят», – сказал он как-то обречённо.

Договорившись с Виктором, что оставит ему печь и немного посуды, утром Фёдор ушел. Идя дальше вверх по реке, долго слышал тьяв-

канье обиженого Мальчика, которого привязали, чтобы не убежал с собаками. Километров в полтора от базы с левой стороны впадал в речку большой ручей. Фёдор посмотрел по карте: если его вывершить, то от истока до новой срубленной избушки останется два-три километра. Решил: «Пройду и, если все нормально будет, сделаю новый путик на эту неожиданно приобретенную базу». Снова перейдя речку, Фёдор шёл уже по горелой тайге. Разом залаяли собаки. Услышав треск ломающихся сучьев, понял, что это лось, и решил не бить: ещё тепло, и мясо пропадет. Это были матка с быком. Матка стояла, а рогач гонял собак. Подкравшись как можно ближе и выйдя на чистое место, чтобы его увидели звери, Фёдор закричал и застучал палкой по деревьям. Матка сразу сорвалась и с треском побежала в гору. Бык какое-то время рассматривал человека, потом побежал вслед за маткой, иногда останавливаясь и пугая собак. Фёдор продолжал свой путь по ручью.

Тайга в его пойме хоть и выгорела, но не было ветровалов, как по хребтам, где везде виднелись щиты вывернутых с корнями кедров. Часа через два догнал кобель, долго лакал, хакая, из ручья воду. Ручей выбегал из небольшого болотца, затянутого трясинной, которое пришлось обходить. Тайга была пустая, за весь день Фёдор видел только копалуху. Сучка так и не пришла. Фёдор беспокоился, не спал, лежал в какой-то полудреме, ждал, что заворчат друг на друга собаки. Но было тихо. Под утро всё-таки уснул, а когда проснулся, было уже совсем светло. Открыв дверь, он увидел у порога лежавшую Норку. Когда она пришла, он не слышал.

Время летело. Посыпал снежок, понесло по реке шугу. Пришла пора настораживать ловушки. На береговых путиках капканы остались целы. Но Фёдор решил, что сезон нынче, можно сказать, пропал. Сгорела еще

одна избушка в центре участка, и надо было всё переделывать.

Он решил настораживать капканы сразу по обоим берегам и, пока позволит снег, охотиться с собаками, не тратя времени на хребтовые путики. Уже по шуге перейдя на правый берег, он его насторожил, решив, что проверять пойдет, когда встанет речка. Соболь был, и следы встречались везде. Но он ходил широко и как-то метался по тайге. Собаки с утра быстро натывались на соболиный след, но тот уходил на хребты в ветровал и уводил собак так далеко, что и намёка на лай не доносилось. Соболя они всё-таки загоняли, приходили ночью грязные, с прокусанными носами. Осень была тёплая, валили снега, и Фёдор еле дождался, когда речки встанут, чтобы уйти на лесоустроительную базу, где зелёная тайга и нет выматывающих силы ветровалов. С силой простукивая лёд посохом, Фёдор перешел на правую сторону, где уже около двух недель стояли настороженные капканы. Снял пару соболей, которые висели высоко на оцепах. Всё, что попало на жердушках и там, где не было оцепов, было съедено – остались только лапки. Одного капкана не было, кто-то попал большой, и вертлюг не выдержал. Кто разбойничал, было непонятно – следы засыпал снег.

На следующее утро с запасом продуктов на несколько дней Фёдор отправился на базу, впервые в этом сезоне встав на лыжи. Речкой идти было легче, но, опасаясь провалиться, он шел осторожно, обходя подозрительные места и проверяя лёд посохом.

Вечером, подходя к базе, собаки заинтересованно забегали по каким-то следам, но те были старые, засыпанные снегом, и Фёдор не мог определить, чьи.

Поднявшись к зимовью, он увидел, что вокруг все истоптано. Особо не рассматривая следы, он зашел в

зимовьё. Виктор выполнил обещание. Печь была на месте, на столе стояла кастрюля, ведро, и чашка придавливала исписанный листок бумаги. Фёдор зажжёт керосиновую лампу и прочитал:

«Фёдор! Твоя сука вернулась к нам. Под утро к избушке подошел, наверное, лось. Сучка ушла за ним, а за ней и Мальчик. Утром пришел вертолёт, а собаки так и не пришли. Улетаю без Мальчика, большая просьба!!! Сохрани и вывези.

И адрес. Виктор».

Затопив печку, Фёдор принес воды, наполнив посуду, поставил на печь и пошел по дрова. Найдя возле бани небольшую поленницу, он вернулся. К радости Фёдора, бывшие хозяева оставили кое-какие продукты – вермишель, крупу и начатую бутылку постного масла. Это снимало вопрос кормления собак: на себе-то много не принесешь. Под нарами он нашел металлический бачок с керосином. Жить можно. «Собачье» вынес на улицу остывать. Чтобы собаки не лезли к горячей кастрюле, запустил их в избушку, а сам сел ужинать. Печка была большая, сваренная из **нетонкого**, миллиметра четыре, железа. Она быстро прогрела зимовьё, хоть то и было большое. Федор разделся до пояса, а собаки залезли под длинные, во всю стену, нары, где было прохладно. Фёдор заканчивал ужинать, когда собаки забеспокоились. Кобель подбежал к двери, сучка же тихонько рычала из-под нар. Фёдор насторожился. Сучка зарычала сильнее. Тут что-то звякнуло. Кобель ударил лапами в дверь и выскочил на улицу. За ним бросилась и сучка. Послышался рык, потом визг и всё затихло. Ружье было на улице. Выскочив с фонарем, Фёдор сразу его схватил. Было тихо. Выглянув из-за угла, Фёдор увидел собак. Они что-то обнюхивали в снегу. Подойдя к ним, в свете фонаря увидел лежащую на спине чужую собаку. На передней лапе у неё был

капкан. Отогнав своих, он позвал её в зимовье. Та охотно пошла, но учуяв еду, потянулась к кастрюле. Еда была ещё горячая, и её пришлось убрать. С ночным гостем в барак заскочили и Фёдоровы собаки, которые рычали и обнюхивали его, но не кусали. Подойдя к собаке, Фёдор назвал его, тот сразу наострил уши и завилял хвостом. Потом поднял лапу с капканом, дескать, сними проклятую железяку. Фёдор взялся за лапу ниже капкана – она была холодная и твердая. Капкан снялся легко, и Мальчик начал с силой лизать лапу. «Даа, вот так дела, что же мне с тобой делать?» Мальчик поглядывал на Фёдора, постукивал по полу хвостом. Пока «собачье» остывало, Фёдор отдал ему остатки ужина, накрошив туда сухарей. Еду собака хватала жадно, вся трясясь. Всё проглотив, кобелек подошел к Фёдору, вопросительно глядя на руку и нюхая воздух в сторону стола. «Что, не наелся? Терпи, брат, нельзя тебе много сразу», – поглаживая Мальчика, говорил Фёдор.

Собака, положив ему голову на колени и закрыв глаза, притихла. Иногда тяжело вздыхая и вроде как соглашаясь, мол, потерплю, столько голодовала, а тут уж потерплю.

Фёдор задумчиво смотрел на огонь в лампе, поглаживая голову Мальчика: «Что ж ты, брат, так опрокапился? Что же делать?»

Где-то глубоко он знал ответ и всеми душевными силами гнал его, ища другой выход. Но как ни думал, получалось, как с больным зубом. Или сразу собраться с силами и вырвать, или терпеть и мучиться.

Накормив своих, он дал ещё еды Мальчику. Его собаки, наевшись, сразу залезли под нары. Мальчик лёг посередке зимовья, положив морду на лапы, и не сводил с Фёдора глаз. Если встречались взглядами, начинал приветливо постукивать по полу хвостом. Керосина было с избытком, поэтому Фёдор, убавив пламя,

тушить лампу не стал. В длинном бараче было неуютно и мрачно, а свет создавал хоть какой-то уют. Мальчик перебрался ближе и лег рядом с нарами. Когда Фёдор ночью ходил к печке, кобель неотрывно смотрел на него, чуть шевеля хвостом и всем видом показывая радость, что он снова в тепле и накормлен. Этот кобелек был Фёдору симпатичен. Он любил и ценил рабочих собак и долго не колебался, если собака попадалась непослушная и бестолковая. Здесь же, видя породистого, умного кобеля и помня рассказы Виктора о его подвигах, он не знал, как поступить. Если б он не попал в капкан и не потерял лапу, все разрешилось бы просто. Да и если б был не работягой, а просто хлебоедом – убрал бы и всё.

Сон пропал. Фёдор обреченно ждал утра. Представлял, как Мальчик жил в городе, в тёплой квартире, сытый и обласканный. Как и в бригаде огрубевших мужиков был любимцем, где, кроме ласки и вкусных кусков, он ничего не видел. И вдруг всё исчезло. Кругом знакомые запахи и ни души. Фёдор представлял, как собака недоуменно бегала вокруг стана. Отчаянно нарезала круги, надеясь найти следы, ведущие к людям, без которых ни разу не оставалась, которых любила и которым была предана. Предупреждая их, если слышала подозрительное, и зная, что в минуты опасности её защитят. Как лежала ночами, вслушиваясь в теперь уже враждебную тишину, надеясь услышать шаги или голоса. Постепенно запахи жилого исчезли, запахло сыростью и запустением. Постоянное чувство голода заставляло уходить на поиски съестного. Возвращаясь, издали принюхивался, не нанесет ли дымом, слушал, не раздастся ли стук топора. И, наверное, не раз ночью раздавался его тоскливый вой, возвращаясь эхом, отраженным соседними сопками, а отвечал ему разве филин лешачьим голосом. Жутко, голодно, тоскливо. И вот появился

человек, снял с лапы эту опостылевшую, принесшую столько мук железяку, накормил, и он теперь сытый и в тепле. Теперь он ни за что не потеряет человека, будет искать для него глухарей, и всё будет хорошо.

Фёдор ворочался на нарах – своими фантазиями он только ухудшил дело. Да, хороший кобель, но калека. Впереди почти три месяца капканного промысла. Отощавший и ослабший, будет тащиться сзади по лыжне, а там соблазн, лежат и висят такие аппетитные куски привады! Не жить же Фёдору на одной избушке, пока тот не наберет сил. Виктор – хороший человек и выручил, сдержав обещание. Как быть с его просьбой? Фёдор никогда не выкручивался в сложных обстоятельствах, был честен. Он знал, что с него никто спрашивать не будет, но на севере отношения люди привыкли опираться друг на друга и доверять. У Фёдора даже мысли не было, что можно сказать «не видел, не приходил». Фёдор чувствовал себя обязанным Виктору и хотел отплатить добром. А если Виктор ценил Мальчика только как хорошего работника? Нужна ли ему покалеченная собака? Да и с женщиной-хозяйкой та же закавыка.

Утро Фёдор встретил невыспавшимся и раздраженным. Позавтракав сам, накормил собак. Мальчику наложил отдельно, разделив с ним банку тушенки. Кобелек ел спокойно, поглядывая на Фёдора и изредка шевеля хвостом. На улице ослепительно светило солнце. Деревья притихли под пухлым снегом, боясь расшатасти наряд. Снег был искристый и скрипел под ногами. Отдохнувшие Фёдоровы собаки, радуясь хорошему дню, сразу убежали по лыжне. Мальчик стоял возле зимовья, не решаясь отойти. «Как чувствует».

Фёдор позвал его:

– Мальчик, Пошли. Пошли!

Фёдор не хотел смотреть кобельку в глаза и, приговаривая «пошли»

пошли», пропустил его вперед. Собаки вернулись и легкими прыжками игриво неслись к Мальчику. Мальчик остановился и приветливо махал баранкой.

Тихо щёлкнул тозовочный выстрел. Фёдоров кобель смаху перепрыгнул упавшего Мальчика и стал смотреть по деревьям, в кого стреляли. Фёдор бездумно смотрел на запрокинувшего голову Мальчика. Придавленная снегом тайга хранила молчание. Видела она много на своём веку, и серые листьяги замерли в равнодушном оцепенении: ни укора, ни осуждения. Трезвый ум подсказывал, что сделано правильно, но волна жалости захлёстывала. Подняв легковесного Мальчика, Фёдор уложил его в корни и засыпал снегом так, что только снежный холмик да утоптаный вокруг снег напоминали о случившемся. Пройдут снегопады и всё сравниют. «Пройдет время, и это забудется,» – успокаивал себя Фёдор. Накатанным шагом он как можно быстрее уходил от этого места.

.....

Вышедшая с почты женщина крикнула Фёдору, что его очередь подходит. Он кивнул ей, мол, слышу, и остался стоять. События далеких лет с такой силой всколыхнули душу, что казавшееся забытым виделось ясно и четко. И бившийся в смертной агонии Мальчик, и ясное утро, когда он, скользя на лыжах, убегал от своей совести.

В тот памятный год, выйдя с промысла, Фёдор написал Виктору письмо. Ответа он не получил.

Доброе утро, Миша. Вчера дочитала повесть. Ну, что хвалить, ты, наверно, и сам знаешь, что удалась.

В наше время так, как ты, редко кто пишет, потому что, честно говоря, у нас сейчас совсем нечего читать. Вывод этот основан на моём сравнении нашей современной литературы с зарубежной, в кото-

рой немало просто мощных произведений. Сейчас хочу почитать, например, Дону Тартт – «Щегол». Хвалят Дворянины. А наша проза – блеклая, скучная, пресная какая-то.

А у тебя, действительно, явление. Идейное содержание (авторская позиция), художественная форма, местный колорит, настроение, художественные средства – всё здорово!

Читала и какие-то строки подчёркивала как афоризмы. Кусок о Гоголе от слов: «если и есть что-то самое главное в жизни...» до слов: «...крылатый силуэт». Ты знаешь, это как булгаковское: «В белом плаще с кровавым подбоем...»

Или другое: «Сейчас любая любодейка может написать «роман»..

Или «Когда жизнь и смерть теряют своё... сакральное значение...»

Или «патриотизм – это... верность себе» (вот уж точно).

Или «Сей век особо учит отсекать лишнее, иначе по дуракам...» (это я знаю по себе. Это и о категории времени тоже верно. Не трать время своё на ...).

Или «самое взлётное движение имеют те, кто прошёл путь от земной подорожной близости до исторического и религиозного осознания этой земли и соединяют в себе обе границы и что между ними» (Дело в том, что я и сама начинала этот путь от осознания своей причастности к родной Донцине, к великим своим землякам...)

Или «Я надеюсь на Бога и уверен в единственном: чем сильнее нас жмёт миропорядок, тем негасимей очаги духовного сопротивления внутри России». Это и мои мысли. А может, ты их у меня подслушал? Слово в слово?

Или «Россия не единая духом страна..., ...что для тебя это «в случае чего» давно уже наступило».

В общем, не буду всю повесть переписывать, главное, вовремя. Своевременно подняты все болевые

точки нашей жизни, образования, всё настоящее, сама жизнь. Всему веришь, каждой строчке, каждому слову. А люди какие! Персонажи то есть! Или всё-таки люди?

А главное, мы в одном русле. Любовь к нашей родине, природе, ко всему живому, к каждой малой птичке, к каждому деревцу, протоке и ручейку, человеку и человечку. Боль... И стояние... И надежда... Читаю и узнаю в твоём Сергее Ивановиче себя, нашу Евгению Ивановну, которой уже больше нет. Нет, она есть, я даже разговариваю с ней каждый раз, если мне радостно или больно от чего-то в профессии. Вот бы она обрадовалась твоей книге. Сколько слов бы сказала важных о твоей повести, и точных!

Как близки мне твои герои, как узнаваемы и похожи дети, твои, в книге, и те, которыми я, действительно, живу. Стою на каждом уроке, как последний партизан, и бьюсь за них, за их души, за то, какими они будут... И нет ничего радостнее и ответственнее этого служения... Чтобы потом прийти, стать рядом с Евгенией и сказать Ему: «Твоя я, Господи, и дети мои – твои...»

А ты как будто подслушал нашу боль, наши разговоры, наши уроки, наши беседы с детьми. Как правдиво! Как правдиво!

Например, каждый год приходят из школы дети на уроки и

начинают, изучив произведение, сдавать сочинения из интернета. И правильно, и грамотно... И я ставлю двойки. И они сначала возмущаются... И каждый раз я им говорю, что мне интересны они сами, их мысли, что они поняли, что унесут с собой с урока, из произведения, что поможет им в жизни выстоять, что определит их путь, что спасёт в трудную минуту, что поможет выстоять в беде, стать русскими. Я говорю им, что сами они напишут намного лучше, интересней, умнее. Что не буду ставить двойки за орфографию... Что отметки – это вообще дело десятое, главное, их мысли...

К концу года почти все пишут такие сочинения! И потом много лет спустя говорят, что мы их научили самому главному: высказывать свои мысли, думать и размышлять. Педагоги списаны прямо с наших англичан и биологов, Валентина Игнатьевна – это наш директор, заложник директив, спускаемых сверху.

Скорей публикуй свою повесть, она так всем нам нужна! Каждый из нас может изменить сейчас ситуацию с образованием в стране: я своими уроками, ты своей книгой, кто-то статьями, кто-то встречей с Путиным... Надо бороться! Надо не сдаваться, не опускать руки, каждому на своём месте. Чтобы потом не стыдно было... Печатай!!!